

# I

Я не раз просыпался с чувством, будто уже умер. Но мои ощущения в то июньское утро, когда я почувствовал себя запертым в собственном трупe, все же стали полной неожиданностью. Мне показалось, что меня выпотрошили, а потом грудь набили медленно застывающим цементом. Я слышал собственное дыхание, но не мог набрать воздух в легкие. Сердце билось то ли слишком сильно, то ли слишком слабо. Любое движение, даже микроскопическое, требовало тщательного обдумывания и планирования. Мне потребовались нечеловеческие усилия, чтобы пересечь номер нью-йоркского отеля и вызвать скорую помощь. Медики прибыли очень быстро, вели себя вежливо и профессионально. У меня было

время удивиться, зачем им нужны такие экзотические ботинки и шлемы и столько оборудования, но теперь, вспоминая всю сцену целиком, я вижу: это был момент элегантного и необратимого перехода из мира здоровых за резкую границу страны недугов. Несколько часов потребовалось, чтобы привести мое сердце и легкие в рабочее состояние, а затем сотрудники печального пограничного поста передали мне приветы из прошлого и сообщили, что моя следующая остановка должна быть у онколога. Будущее мое окутала мрачная тень.

Накануне вечером я отмечал с друзьями в Нью-Хейвене успешный выход своей последней книги. А в конце того дня, ставшего столь отвратительным, мне, как предполагалось ранее, предстояло выступить в телепрограмме The Daily Show у Джона Стюарта, а затем в книжном магазине на 92-й улице, в Верхнем Ист-Сайде, вместе с Салманом Рушди. Колебания длились недолго, и вот мои конечные выводы: я не могу отменить эти встречи, подвести друзей и упустить возможность продать кучу собственных книжек. Я справился со всем этим так, что никто ничего не заметил, хотя меня дважды страшно

вырывало прямо перед выступлением. Именно так ведут себя жители края недугов в безнадежных попытках хоть как-то уцепиться за прежнее место обитания.

Новая страна оказалась на удивление гостеприимной. Все ободрятельно улыбаются, расизмом и не пахнет. В воздухе витает дух абсолютного равенства, а те, кто занимает высокое положение, явно добились этого своими заслугами и напряженным трудом. Шутки здесь так себе, о сексе никто не говорит, а кухня хуже любой, с какой мне только доводилось сталкиваться. В этой стране есть собственный язык — *lingua franca*<sup>38</sup>, скучный и сложный, со множеством труднопроизносимых названий, таких как «ондансетрон» (лекарство от тошноты). Имеется немало экзотических действий, к которым еще предстоит привыкнуть. Например, официальное лицо, с которым ты встречаешься впервые в жизни, может вдруг изо всех сил ткнуть тебя пальцем в горло. Именно так я узнал, что рак уже распространился по моей лимфатической системе и один из деформированных красавцев-узлов, который располагался над правой ключицей, уже настолько велик, что

его можно увидеть и прощупать. Не очень-то приятно, когда твой рак вот так запросто прощупывается. Особенно если на данном этапе никто не знает, каков его первоисточник. Карцинома ловко движется изнутри к поверхности. А вот диагностика и лечение идут в обратном направлении, причем зачастую слишком медленно и неловко. В мои ключицы впилась целая куча игл. Девиз местного Туморвилля<sup>39</sup> гласит: «Суть — это ткань»<sup>40</sup>. Мне сказали, что результат биопсии будет готов через неделю.

Выявление раковых клеток, полученных при первом анализе, заняло времени больше, чем открытие неприятной, но неизбежной истины. Когда я читал медицинские документы, то в глаза мне сразу бросилось слово «метастазирующий». Некто чужой поселился в моих легких и в моем лимфатическом узле. Базой его, как выяснилось спустя какое-то время, оказался мой пищевод. Мой отец тоже умер от рака пищевода — причем очень быстро. Ему было семьдесят девять. Мне — шестьдесят один. Если жизнь — это гонки, то очень скоро мне предстоит финишировать.

\* \* \*

Пресловутую теорию Элизабет Кюблер-Росс<sup>41</sup>, согласно которой человек переходит от отрицания к гневу, от торговли к депрессии и затем к сомнительной благодати «принятия»<sup>42</sup>, предстояло проверить на моем примере. Какое-то время я действительно находился на стадии «отрицания»: я ведь жег свечу своей жизни с обеих сторон и находил, что она дает очень приятный свет. Но по той же причине я не мог представить, что это известие повергнет меня в шок и заставит рыдать из-за того, что жизнь так несправедлива. Я давно уже чувствовал, что Мрачная Жница машет косой в мою сторону, и теперь столкнулся с чем-то настолько предсказуемым и банальным, что это казалось скучным даже мне самому. И по той же причине бессмысленным был гнев. Я был глубоко подавлен ощущением пустой траты времени. У меня имелось столько планов на ближайшие десять лет. Я чувствовал, что достаточно потрудился, чтобы заслужить их реализацию. Неужели я не доживу до того дня, когда мои дети вступят в брак? Неужели не увижу, как будет отстроен Всемирный

торговый центр<sup>43</sup>? Неужели не прочту — и не напишу! — некрологов на престарелых злодеев Генри Киссинджера и Йозефа Ратцингера<sup>44</sup>? Но я понимал: подобные мысли — сентиментальность и жалость к себе, именно так и никак иначе. Да, моя книга стала бестселлером, я получил прекрасные рецензии. Свой последний полет в качестве здорового человека я совершил в Чикаго, где проходила книжная выставка и где меня ждало множество читателей. Во время этого рейса я перешагнул порог в миллион миль полетов с компанией United Airlines, и впереди меня ждали немыслимые преимущества и льготы. Но ирония — это мой бизнес, а я не видел в происходящем ничего смешного. Вряд ли мне было бы приятнее узнать о своем раке в тот день, когда мои мемуары отправились бы прямым рейсом в макулатуру или когда меня вышвырнули бы из салона первого класса и оставили прямо на летном поле. На дурацкий вопрос: «Почему я?» — космос, не задумываясь, отвечает: «А почему нет?»

Перейдем к стадии торговли. Может быть, здесь есть какая-то лазейка. В онкологии торговля идет за возможность нормально прожить

еще хоть несколько лет, и ради этого вы соглашаетесь на химиотерапию, а потом, если повезет, на лучевую терапию или даже на операцию. Вот на что идут ставки. Вы получаете кое-что, но взамен от вас многое требуется. Вы поступаете чувством вкуса, способностью к концентрации, пищеварением, волосами... И сделка кажется вполне разумной. К сожалению, в процессе приходится опровергать одно из самых привлекательных клише нашего языка. Вы слышите его сплошь и рядом. Люди не болеют раком. Они сражаются с раком. Никто из доброжелателей не может упустить соблазнительный образ: вы можете победить! Даже в некрологах тех, кто умер от рака, постоянно говорят о том, что они умерли после долгой и бесстрашной борьбы со смертью. Никто не говорит того же о тех, кто долгое время страдает болезнями сердца или почек.

Лично мне нравится образ борца. Иногда мне хочется страдать за правое дело, рисковать жизнью ради блага других людей вместо того, чтобы являться обычным смертельно больным пациентом. Но хочу, чтобы вы узнали: когда ты сидишь в комнате рядом с целой кучей других

финалистов и добрые люди приносят большой прозрачный пакет с ядом и подключают его к твоей руке, а ты читаешь (или не читаешь) какую-нибудь книгу, пока отравы медленно поступает в твой организм, то образ стойкого солдата или революционера в воображении как-то не возникает. Ты тонешь в собственной пассивности и бессилии, растворяешься в беспомощности, будто кусочек сахара в горячем чае.

\* \* \*

Упомянутый яд — это нечто. Из-за него я потерял около четырнадцати фунтов, и при этом мне не стало легче. Из-за него мои ноги покрылись ужасной сыпью, для которой ни у одного врача не нашлось названия, не говоря уже о лекарстве. (Дайте какого-нибудь другого яда, который без борьбы избавил бы меня от этих мерзких красных точек.) Я готов был быть жестоким и безжалостным к врагу и его расправляющимся колониям, убивающим мое тело. Но почему-то вопросы смерти и сохранения жизни оставляли меня на удивление безразличным. Я с легкостью смирился с потерей



волос. Волосы начали выпадать в первые же две недели лечения. Я заметил это в душе и стал собирать их в пластиковый пакет. Из моих волос можно было бы построить целую плавучую дамбу в Мексиканском заливе. Но я не был готов к тому, что лезвие бритвы неожиданно проскользнет по моей щеке, не встретив на своем пути ни единой щетинки. И к тому, что моя абсолютно гладкая верхняя губа начнет выглядеть так, словно я сделал эпиляцию, как чья-нибудь тетушка — старая дева, я готов не был. (Большую часть волос на груди, которые, пока не выпали, напоминали два континента, пришлось сбрить из-за различных больничных манипуляций, и теперь они являли собой довольно печальное зрелище.) Я перестал быть самим собой. Если бы одной из моих медсестер была Пенелопа Крус<sup>45</sup>, то я этого даже не заметил бы. В войне против Танатоса, если уж мы называем этот процесс войной, первой ощутимой жертвой является мгновенная утрата Эроса<sup>46</sup>.

Такой была моя первая реакция на коварный удар. Я твердо решил сопротивляться изо всех сил, пусть даже пассивно. Я хотел получить самые квалифицированные консультации.

Мое сердце работало, кровяное давление нормализовалось, другие анализы тоже были хорошими. Мне стало ясно: если бы не мое богатейское здоровье, давно пришлось бы перейти к более здоровому образу жизни. Против меня выступил слепой, лишенный эмоций враг, которого радостно приветствовали те, кто давно уже желал мне болезней и смерти. Но на стороне моей жизни сражались блестящие, бескорыстные врачи — и плюс к тому удивившее меня количество групп поддержки. Об этом я надеюсь написать в следующий раз, если, конечно, — как всегда говорил мой отец — уцелею.